

О ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА

АРМЯНСКОЙ ЦЕРКВИ АККЕРМАНА _____

Армянский храм Успения св. Богородицы, сохранившийся в г. Белгород-Днестровский, представляет собой прямоугольное в плане сооружение, размером: длина – 26,7 м (по внешнему контуру, без учета западного портика), ширина – 8,4 м. По сторонам от алтарной части – два прямоугольных в плане придела. Апсида: шириной 4,35 м и глубиной: 3,6 м. Над южным входом сооружен притвор, размером: 6,4×6,4 м. Над западным входом находится портик на четырех колоннах.

Дата строительства храма в работах разных исследователей варьируется от XIV- середины XV вв. до 1830-х гг.

«Армянская церковь в Белгороде появилась уже в 1384 г.», утверждал румынский историк Дж. Сируни, опираясь на сведения документального источника, который указывает, что католикос Теодорос (1389-1392 гг.) своим кондаком утвердил предводителем армян Львова архиепископа Ованеса, подчинив его власти также общины Луцка и Манкермана [1, с. 279; 2, с. 87]. Дж. Сируни связывает упомянутый Манкерман с Аккерманом (Белгородом). Но это сопоставление ошибочно [3, с. 65-74; 2, с. 87].

Поэтому первым косвенным историческим свидетельством в пользу существования в Белгороде армянской общины, следует признать грамоту Александра Доброго от -30 июля 1401 г., в которой молдавский господарь позволяет основать в Молдавии армянскую епископию. Особо оговаривается, что главный армянский храм воеводства будет располагаться в престольной крепости Сучавы [4, с. 21-22]. Об армянах Белгорода источник умалчивает.

Тот же Александр Добрый в 1418 г. расселяет 3000 армянских семей по семи молдавским городам. Правда, в источнике не сообщаются их

названия, и неясно: мог ли входить в этот перечень Белгород [3, с. 65-74; 5, с. 26-27].

Однако уже через три года община белгородских армян ясно упоминается в «Записках» Гильбер де Ланнуа 1421 г. Фламандский рыцарь, побывавший в городе с дипломатической миссией, ставит в своем перечислении общину армян на третье место после генуэзцев и влахов [6, с. 440]. Это первое прямое документальное сообщение о существовании в Белгороде общины армян, и первое косвенное указание на вероятность функционирования в городе армянской церкви.

По справедливому замечанию А. Х. Тораманяна еще одно такое не прямое указание содержится в источнике 1460 г. [7, с. 279]. Речь идет о мемориале, который хранится Центральной армянской библиотеке Бухареста. Составитель, епископ Николай (Nicoghos), в преамбуле сообщает, что данная книга была начата им в Яссах, а закончена в «городе Аккерман в году 909 (=1460 г.)» [3, с. 65-74]. Обращает внимание использование церковником в период подчинения города Молдавскому воеводству, именно татарского названия Белгорода (Аккерман/Акчакермен).

Теоретически можно предположить, что коль скоро армянский епископ работал в Аккермане над церковной книгой, то он мог делать это только при храме. Но прямых доказательств тому нет.

В историографии прочно закрепилось мнение, что первое, прямое, недвусмысленное указание на появление в Белгороде нынешней Армянской церкви содержится в сообщении армянского хрониста Гр. Даранагского [7, с. 279]. В 1634 г. он присутствовал на судебном процессе в Константинополе. Представитель турецкого суда, обратившись к армянам-служителям церкви Аккермана, спросил: «Не вы ли последователи тех армян, которых султан Мехмед привез в Константинополь в ссылку из Аккермана? Церковь, которой вы владеете (султан Мехмед) взял у греков и подарил ее вам» [8, с. 18-19].

Несмотря на предельную ясность данного сообщения, А. Х. Гораманян почему-то трактует его, как «упоминание о греческом происхождении нынешней армянской церкви» в Аккермане [7, с. 279]. Но из текста следует, что Мехмед III (1595-1603 гг.) подарил церковь армянам, живущим в Константинополе, а не в Аккермане.

Поэтому первым прямым документальным указанием на существование в городе на Днестре армянской церкви, следует признать свидетельство руководителя миссии католического ордена театинцев, Луиджи Мария Пиду де Сент-Олона. В 1664 г., через 34 года после создания Львовского армяно-католического архидиоцеза, миссия прибыла во Львов, для пропагандистской работы среди украинских армян. В своих отчетах миссионеры рассказывают об «исправлении» ими армянских церковных книг, не отвечавших догмам католицизма, о контроле за изданием новых книг, и т. д. Луи Мария Пиду в 1669 г. буквально сообщает о том, что в Молдавии организованы различные религиозные армянские участки, в каждом из которых находится по одной церкви. Среди прочих «участков», он упоминает и Аккерман, как центр религиозного округа [9, с. 6-7].

На протяжении всего XVIII в. история армянского храма Успения св. Богородицы никак не отражается в письменных источниках. Зато сохранилось несколько планов города второй половины века, на которых отражена планировка храма.

К началу XIX в. относится новый блок документальных источников об армянском храме в Аккермане. Первым из них является подробный отчет о путешествии по Украине и Молдавии, авторства Минаса Бжшкянца, монаха из венецианской армяно-католической Конгрегации Мхитаристов, изданный (на армянском языке) в Венеции в 1820-х гг.: «Путешествие в Польшу и другие страны, где проживают армяне, происходящие от жителей древнего города Ани» [10, с. 25].

Согласно переводу Гр. Авакяна, оставленное М. Бжшкянцем сообщение по поводу Армянской церкви, выглядит следующим образом: «Вновь обновленная опись сокровищницы, записана в 1747 г. (от Р.Х. Гр. Авакян.) в приморском городе Аккерман, в притворах храмов трех святых: Успения св. Богородицы, св. Авксентия и св. Иоанна Богослова» [11, с. 24; 7, с. 279].

В начале января 1829 г. епископом армянской епархии Нерсесом было подано прошение Бессарабскому гражданскому губернатору Е. Н. Голубцову «о достройке армянской церкви в Аккермане». В тексте этого важного документа Нерсес признает, что «неизвестно когда построена армянского исповедания церковь, но судя по преданиям, она издревле существует, полагают, что даже около 300 лет» [1, с. 190-191].

В 1843 г. церковь посетил Юзеф Крашевский, оставив ее описание, которое отражает современный облик храма [13, с. 250-251].

Другим источниковедческим блоком, который традиционно привлекается исследователями к анализу в ходе попыток датировать храм, является свод лапидарных памятников, происходящих из его стен и прилегающих территорий.

По мнению румынского историка Гр. Гойлава, из Белгорода происходит самая старая памятная армянская плита Пруто-Днестровского междуречья. Текст плиты гласит: «Этот крест вырезан в 416 г.» (= 967 г.) [14, с. 3]. Обстоятельства находки неизвестны. Румынский исследователь истории армян, Дж. Сируни, полагает что дата этой плиты «к сожалению, сомнительна» (Siruni 1944: 4). Действительно, согласно документальным и археологическим сведениям, появление средневекового Белгорода относится лишь ко второй половине-к концу XIII в. [15; 16].

Этой плиты не видел на стенах церкви или прилегающей территории, другой румынский исследователь, Гр. Авакян [17, с. 2-16], а также современник Гр. Гойлава, Л. М. Меликсет-Беков, специально изучавший памятные армянские плиты Белгорода [18]. Нет этой плиты и в «Своде

армянских надписей Украины и Молдовы» [19, с. 383-384]. Гр. Авакян, например, прямо утверждает, что опубликованная Гойлавом датировка – результат ошибочной расшифровки [17, с. 75-80].

Тем не менее, информацию этой плиты в своей статье использует А. Х. Тораманян: «есть свидетели более раннего периода» существования культуры армян Белгорода, «в частности, X-XII вв.» Историк архитектуры сознательно дистанцируется от разбора вопроса армянской истории в Белгороде X в., ссылаясь на отсутствие среди исследователей единого мнения по данному вопросу [7, с. 278].

Но уже в следующей, более поздней публикации, автор более категоричен в отношении этой плиты [20, с. 6-31]. Не давая никаких прямых ссылок на первоисточник, и не объясняя, почему эта информация не прозвучала в его ранних работах на ту же тему, автор уже вполне уверенно сообщает, что «самая ранняя плита церкви относится к 967 г.». А. Х. Тораманян утверждает, что «эта плита беломраморная вмурована в северную стену церкви. Судя по тексту описания, сам А. Х. Тораманян этот хачкар на стене храма не видел [20, с. 16-17]. По всей вероятности, в тексте монографии, без ссылки передано более раннее сообщение о данной плите, авторства Гр. Гойлава.

При этом нет уверенности в том, что и сам Гр. Гойлав видел эту плиту в храме или же вообще правильно ее датировал [14, с. 12-13].

К началу XX в. в Армянском храме Аккермана, а также на примыкающей территории и в здании церковно-приходской школы, насчитывалось около сорока плит с армянскими надписями. Из них лишь одна уверенно определяется, как закладная строительная. Остальные являются памятными посвятельными, или надгробными.

А. Х. Тораманян прямо указал на важность данных этих плит в деле решения вопроса о количестве церквей в средневековом Белгороде (Аккермане), времени их функционирования и появления [7, сс. 278, 280].

Л. М. Меликсет-Беков в начале XX в. насчитывает в церкви Успения св. Богородицы и на прилегающей территории (в периметре ограды храма), 38 армянских плит [18, с. 16]. Сегодня в храме в общей сложности насчитывается 16 плит.

Еще 17 плит исследователь насчитал в каменной ограде храма (их заметил еще и Ю. Крашевский) и 8 – в здании церковно-приходской школы, располагавшейся на прилегающей к церкви территории. Из всего числа лапидарных памятников исследователь дает подробный анализ и перевод текста лишь некоторых, представляющих, по его мнению, наибольший интерес. Он обращает внимание, что надписи полны ошибок, как стилистических, так и допущенных при переносе слов. Язык представляет собой смесь книжного с местным диалектом. Содержание могильных надписей шаблонно [18, с. 18].

Особое место среди эпиграфических памятников занимает плита 1699 г., поскольку она единственная, которая относится к типу закладных строительных плит с текстом об окончании строительства церкви св. Авксентия. Именно это обстоятельство и позволило мне в свое время высказать предположение, что нынешняя церковь в Белгороде носила имя данного святого и может быть датирована концом XVII в. [21, с. 43]. Сегодня этот тезис следует признать ошибочным.

В своем обзоре армянских лапидарных памятников Аккермана, румынский исследователь Гр. Авакян отмечает, что из 38 исследованных надписей [9, с. 3], 3 датируются XV в., 5 – относятся к XVII в. (ко второй его половине), 28 – к XVIII в. и 1 – к началу XIX в. При этом, не зафиксировано ни одной плиты, которая относилась бы к XVI в. Он объясняет это тем, городская торговля была внезапно нарушена турецким вторжением 1484 г. и на протяжении последующего XVI в. этот уже провинциальный османский город подвергался регулярным нападениям казаков и поляков, оставаясь весьма беспокойным местом. Но уже в самом

начале XVII в. начинается период войн в самой Армении, вызвавший новый поток эмигрантов, который коснулся, преимущественно, причерноморских городов. В том числе и Аккермана [11, с. 15].

Из всего количества плит XVIII в., максимальное число приходится на 1710-е и 1760-е гг. (по 6 плит). На третьем месте по численности, находятся 1740-е гг. Нет ни одной плиты 1770-х и 1780-х гг.

Анализируя эпитафии могильных плит XVIII в. из Аккермана и окрестностей, Гр. Авакян делает важное наблюдение: большинство эмигрантов происходят из деревень Эриванской губернии, главным образом из села Танакерт. Это свидетельствует о некоторой традиции среди армянских переселенцев в выборе мест поселения [11, с. 18].

Несмотря на столь представительный свод эпиграфических материалов, происходящих из храма, в середине XX в. известный румынский исследователь Х. Дж. Сируни вынужден был констатировать, что «ктиторы армянской церкви в Белгороде, остаются неизвестными» [5, с. 62].

Поэтому больше внимания исследователи уделили анализу сообщения «вновь обновленной в 1747 г. описи сокровищницы» о притворах храмов трех святых: Успения св. Богородицы, св. Авксентия и св. Иоанна Богослова» [11, с. 24; 7, с. 279]. Все рассуждения сводятся к поиску ответа на вопрос: упомянутые названия относятся к трем разным храмам, или трем пристройкам одного храма?

В позитивистском духе интерпретировал текст описи Л. М. Меликсет-Беков, настаивая на том, что таковой является прямым свидетельством существования в Аккермане трех разных храмов. Исследователь указывает на соответствие информации учетной книги с текстами двух плит (1699 и 1703 гг.) установленных в приделах храма, и в которых действительно упоминаются церкви св. Авксентия и св. Иоанна. Сопоставив текст плиты 1699 г. с записью Минаса Бжшкянца, Л. М. Меликсет-Беков приходит к выводу, что церкви св. Авксентия в Белгороде более не существует, она

была упразднена до начала XIX в. (время появления архимандрита в городе, иначе он бы о ней упомянул). Зато ныне существующая церковь Успения св. Богородицы уже точно существовала в 1747 г. [18, с. 8-9].

Ему возражает Гр. Авакян, справедливо замечая, что если бы помимо существующей, в городе были некогда еще и другие церкви, то от них сохранились бы хоть какие-то следы, чего не наблюдается. В подтверждение своего мнения он обращается к свидетельству Мария Луиджи Пиду, который в 1669 г., говорит лишь об одной армянской церкви в Аккермане [11, с. 24; 9, с. 6-7]. Несколькими годами раньше В. Курдиновский попытался объяснить отсутствие материальных следов двух храмов, эрозией береговых склонов, на которых они, возможно, стояли [22]. Аргумент весьма умозрительный.

Гр. Авакян полагает, что в тексте описи идет речь все-таки о строительстве придела, а не церкви. Исследователь полагает, что нет решительно никаких сведений, указывающих на существование в Аккермане трех армянских церквей. В подтверждение он ссылается на слова Луиджи Мария Пиду (1669 г.) о присутствии в Аккермане лишь одной армянской церкви [9; 7, с. 279]. Таким образом, Авакян датирует один из строительных периодов в церкви – возведение южного придела, – 1699 г.

А. Х. Тораманян, указывая, что приделы, как полукультовые сооружения в армянской церковной архитектуре не носили имен храмов, в тексте плиты 1699 г., видит указание на строительство церкви [7, с. 283].

При этом он полагает, что в тексте данной плиты речь идет вовсе не об аккерманской церкви, а о храме св. Авксентия в Сучаве, выстроенной в первой половине XVII в. (!) [7, с. 281]. Это предположение далеко не бесспорно. Время строительства Сучавской церкви не совпадает с датой, указанной на плите. И почему «торговцы и прихожане из Аккермана» построили церковь в Сучаве, а плиту, вырезанную в честь этого события, установили совсем в другой церкви, за много сотен километров?

Но в другой части этой же статьи исследователь предполагает, что плита могла быть установлена по окончании реконструкции все-таки аккерманской церкви (строительство алтаря и притворов) [7, с. 291]. То есть, в тексте описи имеются в виду не притворы трех церквей, а малые приалтарные ризницы ныне существующего храма [7, с. 285].

Существование в городе, во всяком случае, в османский период, лишь одного армянского храма, предполагает и современная молдавская исследовательница М. Е. Шлапак, высказывая мысль, что нынешний храм носил имя св. Авксентия, а позже получил еще два престола: в честь св. Иоанна и в честь Успения св. Богородицы [23, с. 74].

Такие исследователи истории армянского храма в Белгороде, как Ф. Кирика, В. Курдиновский [22], также настаивают на существовании здесь трех храмов. Два из них (св. Авксентия и св. Иоанна) могли быть упразднены в связи с переселением большинства армян в Григориополь в 1792. В частности, Ф. Кирика предположил, что после их упразднения престолы церквей св. Иоанна и св. Авксентия были перенесены в нынешнюю церковь, где для них были выделены отдельные алтари. По мнению этого исследователя, с данного момента церковь стала трехпрестольной (а значит, подверглась существенной реконструкции). Перенос престолов мог состояться где-то в конце XVIII в., но не позже 20-х гг. XIX в. То есть, в период между составлением описи сокровищницы и визитом М. Бжшкянца в Аккерман [22].

Историк архитектуры А. Х. Тораманян переселение армян в Григориополь считал весьма сомнительным поводом для упразднения двух церквей. Датируя 1699 годом реконструкцию алтарного блока нынешней церкви, более раннюю часть сооружения-он выделял в нефе (XV в.) [7, с. 285].

На факте некогда проведенной реконструкции восточной части храма настаивал и В. Курдиновский. Но только не всей одновременно, а лишь больших боковых приделов. Его мнение основывалось на чисто

планировочных особенностях этих двух боковых построек: коль скоро они выведены от апсиды в стороны, находятся вне ее пределов, то и созданы они позже нее [7, с. 286].

В непосредственной связи с переселением армян из Григориополя в Аккерман в первой трети XIX в., ставил факт основания храма и П. Н. Батюшков. Он полагал, что церковь могла появиться после 1831 г., поскольку армяне должны были «вслед за переселением соорудить и церковь» [24, с. 82].

Действительно, в 1831 г. армянская община открыла в Аккермане начальную школу, которая располагалась на прилегающей к нынешней церкви территории [24, с. 159]. Но о строительстве храма в этот момент говорить не приходится. Это не согласуется с более ранними сообщениями Нерсеса [12, с. 190-191] и М. Бжшкянца [7, с. 279-280].

Опираясь на свидетельство последнего, П. Н. Батюшков также пришел к выводу об изначальном существовании в городе сразу трех церквей, две из которых не сохранились. Впервые Батюшков публикует фотографию южного фасада церкви. Историк одним из первых вводит в научный оборот переводы текстов мраморных плит XV в. (и ошибается на год при датировании обеих) [24, прим. 29].

Весьма осторожно выразился по поводу времени появления в Аккермане нынешней армянской церкви и А. А. Кочубинский. Специально храмом он никогда не занимался, но назвал постройку «свидетельницей турецкой эпохи» [25, с. 21]. Как известно, «турецкая эпоха в Белгороде (Аккермане) продолжалась с 1484 по 1806 гг.

Скудость источниковедческой базы, по мнению Л. М. Меликсет-Бекова, не может позволить решить вопрос о времени основания нынешнего армянского храма. Само сооружение он не находит привлекательным «своим наружным видом». Что касается времени основания церкви, автор не говорит об этом ничего определенного,

ссылаясь на «отсутствие документов и вещественных памятников» [18, с. 13].

Но при этом он подчеркивает, что некое культовое сооружение в Белгороде должно было существовать уже в XV в. (не обязательно данный храм), поскольку надгробные плиты (каковыми их считает исследователь) 1446 и 1474 годов дают ясное указание на присутствие в Белгороде армянской общины в этот период [18, с. 5].

Это перекликается с мнением А. Дж. Сируни, который теоретически относил возможность появления первой церкви армянской общины в Белгороде едва ли не к 1384 г., когда Теодорос назначил архиепископом армян Львова, подчинив ему также армян Аккермана. Но румынский историк не настаивает на том, что та церковь могла сохраниться до наших дней [26, с. 68-73].

По поводу неопределенности в поисках даты основания нынешней церкви высказался также и Гр. Авакян, заметив, что неизвестно не только когда она была выстроена, но и кем. Довольно неожиданным является его утверждение о том, что «в архитектуре местной армянской церкви нет и тени влияния армянского духа» [11, с. 27- 30].

Основываясь скорее на интуиции, чем на фактических доказательствах, исследователь, все-таки, выдвигает свою версию датировки церкви: «Ее положение ниже поверхности земли, солидная толщина стен, общий вид, напоминающий форму корабля, свидетельствуют, с одной стороны, об основании ее в эпоху, предшествующую появлению в Аккермане генуэзцев, примерно в эпоху татарского владычества в Аккермане» т.е., в XIV в. [11, с. 27; 19, с. 72]. Добавляя при этом, с определенной степенью уверенности, что, во всяком случае, в первой половине XV в., храм уже точно существовал, поскольку на его стенах зафиксированы плиты с соответствующими датами (1446 и 1474 гг.). Правда, оговорившись, что неизвестно как скоро после основания церкви они были вмонтированы в ее стены.

Появление армян в средневековом Белгороде румынский исследователь рассматривает в тесной связи с львовской армянской общиной. Тесные торговые отношения Белгорода и Львова хорошо отражены в письменных источниках и давно известны. Армяне Львова уже в 1344 г. получают от Казимира III право на владение национальными судами. А появляются они в этом городе, видимо, уже в XIII в. На этом основании Гр. Авакян допускает, что армянская община могла появиться в синхронный период и в Белгороде [27, с. 72].

Косвенным подтверждением тому, по мнению исследователя, являются нумизматические находки в Аккермане. Речь идет о бронзовых монетах из столицы Киликийской Армении, города Сис, выпущенных армянским царем Хетумом I, которые были найдены на берегу лимана, в районе цитадели. Этот царь правил Киликийской Армение в течение 45 лет (1226-1270 гг.). Гр. Авакян делает вывод, что подобные находки свидетельствуют о высокой роли армян как торговцев в этом регионе уже во второй половине XIII в. [27, с. 72].

Несколько увереннее по поводу времени основания храма Успения св. Богородицы высказывается А. Х. Тораманян. Он акцентирует внимание на том, что существенным свидетельством в деле определения даты появления нынешнего храма является свидетельство хрониста XVII в. Гр. Даранагского, следуя в этом за А. Дж. Сируни. Он высказывает версию о перестройке предполагаемого старого греческого храма после передачи его армянам во времена султана Мехмеда III [7, с. 279].

При этом удивительно, что, будучи архитектором по специальности, основные выводы по строительной периодизации храма, А. Х. Тораманян строит на основании анализа преимущественно документальных исторических сведений. В качестве единственного архитектурного аргумента в пользу существования в основе плана нынешней церкви раннего греческого храма, приводится факт ее полуподземного расположения. Появление же раннего, греческого храма, исследователь

теоретически относит к 80-90-м гг. XV в. Ведь только после захвата города турками, как считает автор, представители христианских общин могли строить по луз аглуб ленные церкви (символ доминирования исламской власти) [7, с. 280]. Подводя итоги, исследователь делает несколько неожиданный вывод: «сравнительный архитектурный анализ памятников позволили проследить путь развития архитектуры церкви от первоначального типично молдавского планировочного решения церкви XV-XVIII вв. до армянского, с особо развитым алтарным блоком» [7, с. 292].

В результате остается непонятной позиция автора: какая именно церковь рассматривается им в качестве предшественника нынешней Армянской в Белгороде- Днестровском: греческая или молдавская?

В более поздней работе автор уже четко датирует время строительства нынешнего храма концом XV – серединой XVI вв., опираясь на более позднее (1634 г.) сообщение Гр. Даранагского [20, с. 10].

Таким образом, разные мнения по поводу даты строительства памятника высказывались, начиная с последних десятилетий XIX в. Но все накопленные за столетие аргументы не показали убедительными коллективу авторов «синоптического» историко-архитектурного издания: «Памятники градостроительства и архитектуры УССР», где по поводу армянского храма Белгорода значилось: «Точная дата постройки не установлена».

Одним из последних исследователей, который снова затронул вопрос строительной периодизации армянского храма Белгорода, является молдавский историк архитектуры Т. П. Нестерова [28].

Обследовав храм, она нашла его очень простым в плане, но с явными признаками перестроек алтарной части и удлинения объема на запад. Т. П. Нестерова выделяет контур прямоугольного, первоначального храма. Его «простые» пропорции исследователь считает «типичными» для местной

молдавской культовой архитектуры XV-XVIII вв., ссылаясь на работу А. Х. Тораманяна.

Учитывая широкий диапазон датировки т.н. «молдавского» храма, Т. П. Нестерова обозначает «единственный критерий» его более точного датирования – факт заглубленного расположения храма. Именно это позволяет автору видеть в сооружении постройку второй половины XIV – первой половины XV вв. [28].

Итак, по итогам обзора письменных и эпиграфических источников можно сделать следующие выводы. Армянская община в средневековом Белгороде могла появиться в городе уже в 1380-х гг., но точно там существовала в 20-х годах XV в. Вероятно, некий армянский храм был в городе уже в 1446 г., но вряд ли в тех стенах, которые существуют сегодня.

По всей видимости, после завоевания города турками, армянская община Белгорода резко сокращается и приходит в упадок. Это общая региональная тенденция, характерная и для армянских общин Крыма [29, с. 42]. Поэтому отсутствие армянских лапидарных памятников данного столетия и в Белгороде, не является отражением сугубо местных исторических событий.

На протяжении всего XVI в. армянской общины в Белгороде, скорее всего, не существует. Ни о каком строительстве храма в данный период говорить не приходится. В отношении нынешнего здания точно можно говорить о том, что оно существовало уже в 1650-х гг. В 1770 г. храм представляет собой удлиненное с востока на запад сооружение, с премыкающим в западной части к южной стене, притвором.

Наконец, на последнем этапе армянский храм претерпевает последнюю существенную реконструкцию: во втором десятилетии XIX в. церковь расширяется на запад. Во дворе, к югу, в 1831 г. появляется церковно-приходская школа.

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

---

1. Тораманян А. Х. К вопросу об армяно-молдавских архитектурных связях (XIV- XIX вв.) / А. Х. Тораманян // Историко-филологический журнал. – Ереван, 1972. – № 2. – С. 193-212.
2. Григорян Гр. Армянские надписи Киевского собора святой Софии / Гр. Григорян // Историко- филологический журнал. – Ереван, 1979. – № 4. – С. 85-93.
3. Siruni H. Dj. Cronica armenilor din Jările Române. Partea II. (sec. X-XIII) / H. Dj Siruni // Ani (revista cultură armeană). – anul I, vol. II, aprilie. – București, 1936. – P. 65-74.
4. Documenta Romaniae Historica (DRH). A. Moldova (1384-1448) [întocmit de C. Cihodaru]. – Vol. I. – București, 1975. – 608 p.
5. Siruni H. Dj. Armenii în viața economică a Țărilor Române / H. Dj. Siruni. – București, 1944.
6. Брун Ф. К. Путешествия и посольства господина Гильберта де Ланнуа, кавалера Золотого руна, владельца Санта, Виллерваля, Троншиена, Бомона, Вагени в 1399-1450 гг. (Текст и археографическое вступление) / Ф. К. Брун // ЗООИД. – 1853. – Т. 3. – С. 433-465.
7. Тораманян А.Х. О некоторых армянских архитектурных памятниках Белгород-Днестровска /А. Х. Тораманян // Историко-филологический журнал. – Ереван, 1970. – № 2. – С. 278-292.
8. Siruni H. Dj. Armenii în România (eu prilejul unui centenar) / H. Dj. Siruni. – București, 1940. – P. 16-19.
9. Avakian Gr. Inscipjile armenești din Cetatea-Albă / Avakian Gr. // Revista Istorică. – București, 1923. – anul IX, Nr. 7-9. – P. 2-16.
10. Саргсян Т. Из истории армян Сирета / Т. Саргсян // Анив. – Москва, 2012. – С. 23-29.

11. Авакян Гр. Критическая история аккерманских армян (до XIX в.) / Гр. Авакян. – Аккерман, 1922. – 34 с.
12. Из истории армяно-украинских, венгерских и молдавских отношений (сборник статей и материалов) / [сост. К. Хачатрян, О. Алексанян]. – Ереван: Ин-т истории, 2012. – 223 с.
13. Kraszewski I. I. Descrierea Cejătii Albe / I. I. Kraszewski // Călători poloni în Jările Române. – Bucureșt : Ed. Cultura națională, 1930. – P. 245-253.
14. Goilav Gr. Bisericile Armene de prin țările române / Gr. Goilav. – București, 1912.
15. Руссев Н. Д. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII-XIV вв. / Н.Д. Руссев. – Кишинев : ВАШ, 1999. – 240 с.
16. Кравченко А. А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV вв.) / А.А. Кравченко. – К. : Наукова думка, 1986.
17. Avakian Gr. Rectificări și adăogiri: Cetatea Alba / Gr. Avakian // Ani (revistă de cultură armeană). – București, 1936. – anul I, vol. III, iulie. – P. 76-80.
18. Меликсет-Беков Л. М. Армянские древности в Аккермане (в Бессарабии) / Л. М. Меликсет-Беков. – Тифлис, 1911. – 40 с.
19. Григорян Г. Свод армянских надписей (на армян, яз.) / Г. Григорян. – Т. VII (Украина, Молдова). – Ереван, 1996.
20. Тораманян А. Х. Из истории строительной деятельности армян в Молдавии / А. Х. Тораманян. – М. : Внешторгиздат, 1991. – 208 с.
21. Красножон А. В. Крепость Белгород (Аkkerман) на Днестре: история строительства / А. В. Красножон. – Кишинев : Высшая антропологическая школа, 2012. – 414 с.
22. Кирика Ф. Древнейшие типичные православные церкви Бессарабии / Ф. Кирика // Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества. – Кишинев, 1918. – Вып. 10.

23. Шлапак М. Е. Белгород-Днестровская крепость (исследование средневекового оборонного зодчества) / М. Е. Шлапак. – Кишинев : ARC, 2001.
24. Батюшков П. Н. Бессарабия (историческое описание) / П. Н. Батюшков. – СПб, 1892. -96 с.
25. Кочубинский А. А. Тира-Белгород-Аккерман (и его новая лапидарная надпись от 1454 г.) /А. А. Кочубинский // ЗООИД. – 1901. – Т. 23. – С. 79-178.
26. Siruni H. Dj. Cronica armenilor din Jarile Romane. Partea I. (sec. X-XIII) // Ani (revista cultura armeana) / Siruni H. Dj. – București, 1935. – anul I, vol. I, decembrie. – P. 68-73.
27. Avakian Gr. Cetatea Alba (zece ani dela realipire) 9 aprilie 1918 – 9 aprilie 1928 / Avakian Gr. – București : Fundatia cultural principele Carol Caminul cultural Chetatea Alba. – 1928. – 192 p.
28. Nesterova T. Arhitectura ecltziastica din chilia și Chetatea Alba. Revaluari de datare și interpretare / T. Nesterova // Arta. – Chișinau. – 2010. – P. 22-33.
29. Саргсян Т.Э., Петросян М.В. Крым: монастырь Сурб-хач / Саргсян Т.Э., Петросян М.В. – Симферополь : ЧП «Предприятие Феникс». – 2008. – 144 с.